

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
NEW ADULT. МАГИЧЕСКИЕ МИРЫ

Макс Далин
УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Дана Арнаутова
ГОД НЕКРОМАНТА.
ВОРОН И ВЕТВЬ

Екатерина Звонцова
СЕРЕБРЯНАЯ КЛЯТВА

– В очередь, сукины дети! В очередь!..

М. Булгаков, «Собачье сердце»

Способности к некромантии, говорят, похожи на музыкальный слух. Пожалуй. Некоторые неистово хотят быть певцами и музыкантами, зовут учителей, платят им по золотому в час, тратят уйму времени и море сил, чтобы выжать из лютни или флейты хоть сколько-нибудь гармоничный звук, — и без толку. Терзание чужих ушей. А их лакей напевает, перетирая тарелки, и прохожие за окном останавливаются послушать. Дар свыше.

Ничего не поделаешь.

С некромантией примерно так же. Некоторые вылезают из кожи, запираются в башнях, исходят на нет, заучивают наизусть целые тома, предлагают душу, а в результате получают припахивающий серой дымок из жиденькой пентаграммы. Чихнул — и нет его. А меня этому никто не учил, просто Дар, и всё. Не такой изящный, как музыкальная одарённость, но это уж чем богаты, тем и рады.

Я — интуитивный некромант, сколько себя помню. Дивное качество для отпрыска королевской фамилии, как подумаешь...

МАКС ДАЛИН

Родители что-то такое с самого начала подозревали, я полагаю. Ребёнком я был... и в младенчестве не очаровывал личиком, мягко говоря.

Вот, к примеру. По мнению святых отцов, чёрные родинки – клеймо Тех Самых Сил. Очень может быть. Такая родинка у меня есть, под носом. Этакая роковая мушка. У других людей такие родинки выглядят очень миленько. Придают лицу некий особый шарм. И, как правило, не вызывают желания протыкать их раскалённой иглой на предмет проверки на магическую злокачественность. Но не в моём случае.

Не те у меня черты лица. Мою проверяли. Пришли к неутешительным выводам.

Не ошиблись. Спасибо, что не удушили в колыбели. Добрые у меня были родители и блюдущие традиции. Как можно пролить кровь королевского чада, даже если она проклятая? Абсолютно невозможно, они и не пролили. Не пожалели, правда, а не посмели, но мне и того хватило.

Моё скромное везение.

Правда, не могу похвастаться жаркой родительской любовью. Но сердцу не прикажешь.

Они ещё долго выясняли, откуда оно вылезло. Ведь наследственное проклятие! Очень неприятно сознавать, что кто-то из предков того... но из летописей-то не выкинешь. Нашли предка в седьмом колене. Пращур остался в истории под именем Чёрный Хорн, правил всего-то полтора года – чахотка сожгла. Видимо, развернуться не успел. Но, скорее, не

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

посмел. Уединение любил. Любой бы любил, с таким выдающимся лицом. От одного взгляда на портрет брала оторопь: в правом глазу — три зрачка. Не считая всяких прочих мелочей.

Но, в общем, проклятый предок ничем особенно ужасным себя не проявил. Скорее, наоборот: пытался изобразить доброго государя. Видимо, у него это вышло. Так что счастливого ему пребывания в эдемских садах: будь у него характер потвёрже — никакого везение бы меня не спасло. А так — решили, что, быть может, и я буду изображать что-то благонравное и благолепное и меня можно будет терпеть.

Ошиблись. Бывает.

Рано расцвёл. Мне ещё семи лет не исполнилось, когда я спровадил к праотцам своего гувернёра. Когда он десятый раз врезал мне линейкой по пальцам. Просто одним сильным желанием сделать так, чтобы его не было. Первый случай всплеска Дара, бессознательный ещё... но желание, похоже, оказалось очень уж сильным.

Нестерпимым.

Но когда я смотрел, как он корчится, как у него глаза вылезают из орбит и всё такое — я не наслаждался, нет, не верьте слухам. Я принял к сведению. И отец принял к сведению. Во всяком случае, сечь

МАКС ДАЛИН

меня поостерёгся, а ведь хотел до смерти, по глазам было видно.

В смысле — хотел до смерти отлупить до смерти. Но счёл, что себе дороже. Ха, мне это понравилось. Интересно, много бы нашлось таких, кому бы не понравилось?

Через год всё моё семейство меня... скажем так, опасалось. И дельно. Я же экспериментировать начал. Вот только никогда не проверял Дар на кошках, ничего против кошек не имею. Мухи, пауки — да, это было, я их не люблю. Потом — маменькина отвратительная моська: камеристкам пальцы в кровь кусала, а маменька изволила смеяться. Как итоговый опыт — папенькин камер-лакей. Я всегда совмещал приятное с полезным, а очистить мир от этой слащавой твари, стучащей на всё живое, было и приятно, и полезно сразу.

Правда, потом за меня взялись всерьёз, так что опыты пришлось бросить... на людях, по крайней мере. А на будущее я решил пользоваться Даром только по важным поводам. Тогда ещё мне казалось, что он быстро иссякает, долго восстанавливается, а хотелось всегда быть в боевой готовности. Но тема вообще очень заинтересовала — стал читать запоем. Папенькин библиотекарь не хотел меня впускать в ту залу, где хранились книги о некромантии и о чёрной магии... я его канарейку прикончил и пообещал, что с ним то же самое сделаю. Впустил, старый пень, хоть и наябедничал отцу.

Я иллюзий не питаю. Я рос маленьким безобразным гадёньшем. Злым, а пуще злопамятным, подлым.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

Но — умным. Я читал и наблюдал, читал и наблюдал. И всё, что прочитывал или видел, принимал к сведению.

Я много видел. Мой папенька-король не знал о своём дворе того, что уже знал я. Кто подличает за сладенький кусок, а за глаза поливает грязью, кто ворует, кто продаётся — я рано начал понимать. Папенька не понимал; ему такие углублённости ни к чему. Папенька был обожаемый монарх. Гуго Милосердный — так его в народе окрестили.

Гуго Старый Идиот, я бы сказал. Он жил по заповедям, мой батюшка. Истоиво веровал, что врагов надобно прощать, родовой рыцарский кодекс блюсти, народ должен благоденствовать, а король — жить в развлечениях и роскоши. Ну да.

Его обворовывали все кому не лень, а ему и в голову не приходило проверять своих верных вассалов: вассалы же им восхищались. Он свалил всю свою работу на казначея и премьера, сам охотился и отплясывал на балах. Междугорье было в долгу как в шелку; на границах вечно происходили стычки. Соседи обещали военную помощь и надували, зато присылали подарки вроде пары белых единорогов, тварей милых, но не стоящих и эскадрона драгун. Единороги, говорят, счастье приносят — ну, может быть, но не эти. В очередной локальной войнушке с государем Перелесья батюшка потерял провинцию, прослезился и сказал: «На всё божья воля».

Плебс жил впроголодь; пуд муки стоил ползолото. Зато если батюшка проезжал по столице, он всег-

МАКС ДАЛИН

да оделял нищих. Щедро. Грошей по пять, по крайней мере. И голодные мужики рыдали от умиления.

Святой Орден за батюшку молился. Ещё бы. Патриархи ходили в шелку и парче, драли с прихожан сколько хотели и давали королю советы. А он им жаловал земли. Благодать божья... некромантов сапогами в угол запинали, можно сказать, истребили совсем. Ибо от лукавого. Не к месту в благочестивом государстве. На меня святые отцы надели серебряный ошейник с тремя печатями во имя Вернейшего Слова Господня и запаяли, чтобы я не мог убить своим Даром человека. Ну-ну. Сожгли Ульриха-Травника под овации толпы. А он, кроме безопасных приёмов общения с демонами, открыл снадобье от чахотки. Но кому это интересно?

Косились на меня: последняя ты проклятая тварь в Междугорье, только потому и жив, что принц... И на мордах была написана надежда, что я особенно не заживусь. Нечего пятнать государев герб.

А я взял и в детстве не подох. Горячку подцепил – все уже готовились порадоваться, приличный ребёнок бы непременно помер, а я как-то снова выкрутился. Ну, плюнули на меня пока. Но я, конечно, был даже более опальным, чем бывают опальные принцы.

Вообще непонятно, за что небеса мной наказали идеальную королевскую чету. Видимо, за грехи предков.

Батюшка так любил матушку... Понятно за что: она подходила ему редкостно. Такая же, как и он сам,

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

восторженная дама с рыцарской романтикой в головке. Этикет, танцы, кодекс. Всё как по канону полагается. Выезжают, бывало, на охоту или в загородный замок — загляденье, а не пара. Он — такой большой, статный, бородатый, она — такая беленькая, розовенькая, нежная. В сияющих коронах, в шелках, в бриллиантах. Бросают милостыню. Лошади лоснятся, штандарты лоснятся, морды у свиты лоснятся... Красотища! Идеальная семья. Святые отцы во время проповедей их прихожанам в пример ставили, когда говорили о нерушимости брачных уз.

Моего старшего брата, чудесного Людвига, батюшка обожал... всей нежной душой. И матушка любила. Братец всегда был на людях, а я — всегда по углам. Он — с мечом, а я — с заплесневелой книжкой. У него золотые кудри, львиная стать и голубые глаза. У меня бледная рожа, крючковатый нос и одно плечо выше другого. Он — истинный рыцарь, а у меня... Дар...

Он был, что называется, отважный, чудесный Людвиг. И, что называется, с сильным характером. Чуть что не по нему — лупил кулаками по столу и по тем, кто не увернулся, орал так, что витражи трескались. Настоящий мужской характер, все умилялись и восхищались.

Я-то ни то и ни сё. Я молчал. Ясно: подлая тварь, себе на уме.

Ему папенька дарил оружие, лошадей и всякую другую всячину. На меня смотрел очень выразительно: сразу ясно, что дико хочет высечь, но боится, что

МАКС ДАЛИН

мой ошейник не сработает. Сами посудите, мог ли я хоть намекнуть ему, что думаю о его дворе.

Впрочем, я ж был не дурак. Я даже не пытался.

Так и жили. Старые, как сейчас говорят, добрые времена...

Демона я впервые вызвал в ночь, когда мне исполнилось тринадцать. Хорошая была ночь, все знаки сошлись: нумерология, парад планет... Убивать я не мог из-за ошейника этого дурацкого — это да, тогда ещё не мог, силёнок не хватало сломать защиту Святого Слова... но вот пообщаться с Теми Самыми Силами мог, оказывается.

От них меня не прикрикли. Никому в голову не пришло, что у ребёночка храбрости хватит. А хватило: я как раз отличный трактат об этом прочёл и рвался попробовать. Может, будь я постарше и поумнее, и не посмел бы — но уж в тринадцать-то мне море было по колено. Я ни с кем об этом не распространялся, но считал себя великим человеком. Великим некромантом — и в скобках великим королём. Никак не меньше.

Все, помню, спали. Камергер мой после заката в мои покои отродясь не ходил — брезговал, а может, и боялся. Дежурный лакей крепко поддал со своим приятелем, дрыхли оба. Так что я наслаждался полным одиночеством. Хорошо так, луна светит, тихо, никто не мешает. Хотя, вообще говоря, мне нечасто

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

мешали, чем бы я ни занимался. Мои покои к числу лучших во дворце не относились. Этаким уединённый закуток в одном из флигелей. Окнами милое жилище выходит на конюшни, вечно там сыро и темно, даже в солнечную погоду, а под ногами гуляют сквозняки и мыши. Топить вечно забывали, свечей давали ровно столько, чтоб в полной темноте не сидел — я огарки собирал или крал, если получалось. Прият, видите ли, отшельника — зачем проклятому свет? Обойдётся... Ну и, опять же, может, простужусь и подохну наконец. Мало ли, повезёт.

Но, если начистоту, меня такое положение устраивало. Правда, я мёрз с сентября по май и не мог по полчаса доораться до слуг, зато никто не лез в мои дела — и слава Богу.

Я пентаграмму ещё только разметил, — сердце аж в горло выскакивало, как волновался, — а Дар из меня прямо потёк. Рисую, помню, угольком на паркете, а линии под моими пальцами вспыхивают синим. Только дорисовал — как оно пошло само собой: память у меня на Слова отличная и реакция отменная, я гада выпустил ровно настолько, чтоб поговорить можно было, а окончательный выход в наш мир загородил.

Те Самые, я слышал, неопытными некромантами иногда закусывали. Не мой случай. Я всегда рассчитывал, даже в детстве. И всегда перестраховывался.

Даже двойную линию защиты сделал. И работало.

Красивый вышел гад... красивый. Сейчас, как вспоминаю своего первого, такая тихая печаль находит...

МАКС ДАЛИН

вроде грусти по старому другу. Если часто видишь существ из Сумерек – привыкаешь, уже не то, а вот в первый раз...

Я знаю, большинство людей, когда Тех Самых видят, в обморок грохаются или непроизвольно писаются, но это просто потому, что люди до судорог боятся стихии. Неподвластной силы. Те Самые – это и есть стихия в чистом виде. По-моему, тут не бояться, тут любоваться надо. Такая у него была броня дымящаяся, багровая, мерцающая... рога – как два золотых клинка, из глаз – острое сияние, кусочки огня стекают по железной маске, как слёзы, на пол падают, гаснут... Красиво.

Люблю стихию. Свободу, силу – грозу, метель, ураган... Тех Самых на заре туманной юности тоже любил истово... пока кое-что не понял. Но это уже гораздо позже.

Гад, похоже, сообразил, что грохотать в моих покоех нельзя. К чему союзу свидетели? Он и не грохотал. Он прошелестел – как вот, бывает, январской ночью ледяная крошка шелестит по насту от ветра. Холодный звук, опасный. Тёмный.

– Изъяви свою волю, юный владыка, – свистящий такой шелест.

Я руки на груди скрестил, инстинктивно. Потом узнал – идеальная поза.

– Мне нужна власть, – говорю. – Земная власть. Я хочу стать величайшим из королей. По-настоящему, а не марионеткой на троне, как отец.

– Абсолют меняется на душу, – отвечает.

УБИТЬ НЕКРОМАНТА

— Не подходит, — говорю. — Дорого. Пусть будет не абсолютом. Подешевле что-нибудь.

— Власть без любви народа, — шелестит. — Власть без награды. Дурная слава. Тяжёлая память. Устроит?

Я почувствовал, как у меня щёки вспыхнули. Идеально. На что мне сдалась любовь этого стада? Пусть любят таких, как батюшка, а я буду дело делать. Награда? Смешно, действительно. Дурная слава? А как они мне сделают добрую? В брата меня превратят?

— Великолепно, — говорю. — То что надо. Сколько с меня?

— Плату Та Самая Сторона сама возьмёт. Для тебя, юный владыка, даром.

— Проклятие? — уточняю.

— Нет, не официальное. Тебя и так проклянут тысячу раз. Но мы же договорились, что душа останется при тебе. Хотя без души тебе было бы спокойнее и приятнее. Откровенно предупреждаю.

— Не подходит, — повторяю. — Я уже решил.

— Да будет так, — шипит. — Выжжено на Скрижалях Судеб.

Вижу, ему уже скучно: всё решено, а взяли с меня мало. Ну и не стал его зря на границе миров держать. Разрезал себе ладонь, дал ему крови выпить — угостил за приход на зов. Потом отпустил.

Даже как-то слегка разочаровался. И гром не грянул, и папа не умер вместе с братцем. И не чувствую, чтобы поумнел или стал сильнее. Огорчительно.

Но, как я тогда размышлял, если с другой стороны посмотреть — я же не отдал им душу. Вот если от-

МАКС ДАЛИН

дал бы, они бы мигом подсустились. А так — жди, пока сработает.

Я же пока не знал, как они берут сами. И сколько. Ребёнком ещё был, в сущности... и подсказать мне было некому.

Но душа осталась при мне, не верьте слухам. И самое смешное: я ни разу не пожалел. Я умею боль терпеть, если без неё никак. А некроманту профессионально без боли не прожить.

Первое, что я заметил, — это как моё отражение в зеркале день ото дня меняется.

Правы святые наставники: зеркало есть орудие Тех Самых. Да ещё какое!

У подростков кожа часто портится. Воспалется и всё такое. Но с моими прыщами ничто бы не сравнилось. Вышесреднее явление. Шедевр. Каждый, по моим теперешним воспоминаниям, ростом с горошину, не меньше. И самого яркого цвета, который только нашёлся у Господа в палитре. На моей бедной физиономии клочка чистой кожи в квадратный дюйм не нашлось бы. Разве что там, где синяки под глазами.

В общем, ощущалось так: как на себя гляну, думаю не о короне, а куда бы пойти удавиться, чтоб никто потом труп не нашёл. Родная маменька на меня смотрела, как на слизняка. Не говоря уж о девушках. А я был вполне парень, как ни странно. Интересные вещи иногда снились.